

или христианстве, конечно, смешно. Я, кажется, родился безбожником, вырос язычником, а в настоящее время являюсь безбожником воинствующим» (Тан-Богораз, 1928–1930, л. 13).

Такой скачок — далеко не бесспорный с этической точки зрения — думаю, связан с двумя основными факторами. Первый очевиден — это политическая обстановка в стране и связанные с этим реальные опасности. А второй — это личностные качества В.Г. Богораз. Как отмечал в своих воспоминаниях его сын, характерной особенностью отца было отсутствие всяких предрассудков. Он менял свое мнение «с величайшей легкостью иногда просто из склонности к оригинальности и парадоксу» (Богораз, 1950–1960, л. 63).

Вот эта склонность к парадоксу, а также свойственные В.Г. Богоразу энтузиазм, живое воображение, эмоциональность, артистичность, озорство, доходящее до злого сарказма, ярко проявились в созданной им выставке.

Примечание

¹ Статья раскрывает историю создания и дальнейшей жизни «Антирелигиозной выставки» в контексте общественной и научной жизни первой трети XX в., научно-теоретическую основу и идеологическую составляющую выставки. Достаточно подробно описан тематико-экспозиционный план выставки.

Источники

Богораз В.В. Воспоминания. 1950–1960. ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 3. № 250.
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН. 1930–1931. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 99.
Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1928–1930). Архив МАЭ. К. 1. Оп. 1. № 383.
Тан-Богораз В.Г. Автобиография (1926–1927). Архив МАЭ. К. 1. Оп. 1 № 380.

Библиография

Богораз В.Г. Антирелигиозная выставка // Ленинградская правда. 20.04.1930.
Орбели И.О. // Правда. 17.04.1930. № 106.
Красная газета. 16.04.30. № 89.
Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. Т. VII. Л., 1928.
Щербакова Т.И. От выставки к музею: период становления Музея истории религии АН СССР // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 1. СПб., 2001. С. 9–17.

Е. В. Мозоль

Книжная коллекция Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мервартов в библиотеке МАЭ

В начале XX в. в МАЭ для собирания коллекций и этнографических исследований в Индии и на о. Цейлон была организована экспедиция, в которую вошли Александр Михайлович и Людмила Александровна Мерварты. История

экспедиции 1914–1918 гг., судьба А. М. и Л. А. Мервартов, описание индийских коллекций, поступивших в МАЭ, нашли отражение в современной исследовательской литературе. Однако книжная коллекция не становилась предметом отдельного рассмотрения.

Библиотека, привезенная Мервартами, рабочая, исследовательская. Она собиралась в соответствии с конкретными целями и задачами, поставленными перед учеными еще на подготовительных этапах экспедиции. Музеем была необходима специальная литература по этнографии, истории и культуре Индии для формирования выставочных экспозиций, исследований имевшихся коллекций и приобретения новых для отдела Индии, выделенного в 1913 г. из общего отдела культурных стран Азии. Во главе нового отдела стал А.М. Мерварт, «санскритист <...> знакомый с некоторыми дравидийскими языками» [Отчет 1914: 12].

Экспедиция, планировавшаяся на два года, в 1916 г. была продлена в связи с трудностями, обусловленными войной. К 1918 г. финансовое положение ученых ухудшилось настолько, что не было денег даже на то, чтобы вернуться в Россию. Получение денежного перевода от Академии наук в январе 1918 г. дало возможность выехать во Владивосток, но до возвращения в МАЭ прошло еще долгих шесть лет, вобравших в себя Рангунскую тюрьму, работу в Дальневосточном университете, два года в Харбине и постоянную тревогу за сохранность коллекций, которые находились в разных городах и странах. Только когда окончилась Гражданская война в России и в Петроград благодаря усилиям многих неравнодушных людей были доставлены индийские коллекции из Калькутты, у А.М. и Л.А. Мервартов появилась не только материальная возможность вернуться, но и, по их собственному убеждению, моральное право на это возвращение. 28 июня 1924 г. они выехали из Харбина с оставшимися экспедиционными материалами, рукописями и книгами. А.М. и Л.А. Мерварты были счастливы, что едут продолжать любимое дело и понимали, что только они смогут «оживить» эту коллекцию. За пять лет Александр Михайлович и Людмила Александровна провели колоссальную работу по описанию и каталогизации экспедиционных материалов. Благодаря им в МАЭ сосредоточился потенциал, благодаря которому, несмотря на сложные годы, последовавшие вскоре и в этнографической науке, и в стране в целом, исследования индийской цивилизации продолжались.

Как пишут сами ученые в «Отчете» (1927 г.), ими было привезено около 800 томов книг и журналов. С помощью картотеки, составленной в библиотеке МАЭ, вероятно, в 1920-е годы, а также инвентарей нам удалось выделить около 700 книг, с большой долей вероятности относящихся к экспедиционному наследию Мервартов. История создания картотеки, как нам представляется, связана с деятельностью Д.К. Зеленина в 1920–1930-е годы в качестве заведующего библиотекой МАЭ. С его приходом были назначены ответственные научные сотрудники, которые вели роспись журналов и создавали библиографические картотеки по тематике своих отделов. Вероятно, картотеку по Индии

составляла Л.Е. Каруновская, сотрудница отдела Индонезии, в 1927 г. помогая Е.М. Кубиш в перерегистрации библиотеки по отделам Индии и Индонезии [Отчет 1928: 192]. Основная часть этого фонда — книги и журналы на английском языке конца XIX — начала XX в., поступившие в библиотеку в результате покупки, обмена или из экспедиции Мервартов. Значительная часть книг была приобретена у кн. Э.Э. Ухтомского или получена от него в дар. В числе дарителей следует отметить также В.В. Радлова, С.Ф. Ольденбурга, А.М. и Л.А. Мервартов, Б.Э. Петри, Д.Н. Анучина, Т.А. Корвин-Круковскую, проф. Грюнведеля, Э.К. Пекарского. Эта картотека позволила выделить из всего объема принятых в 1923–1930-х годах изданий книги из экспедиции 1914–1918 гг. Книги принимались в библиотеку МАЭ в течение нескольких лет, составив несколько волн поступлений. И связаны эти «волны» с жизненными, порой трагическими обстоятельствами в судьбе А.М. и Л.А. Мервартов.

Известно, что первые экспонаты поступили в музей в августе 1923 г. еще до приезда Мервартов в Петроград. Тогда же началась и регистрация книг, прибывших с этой партией, о чем и свидетельствуют записи в инвентарной книге за 1923 г. (500 книг). Книги приобретались на средства, выделенные для экспедиции МАЭ. Л.А. Мерварт писала в письме В.В. Радлову от 3 июня 1914 г.: «В цифру расходов на снаряжение экспедиции входят 934 р. 90 к. на фотографические принадлежности (в том числе 450 руб. — первый взнос за кинематограф <...> 791 руб. 84 к. — на наше обмундирование, *книги*, краски и другие расходы» [Русские на Цейлоне 2010: 233]. Некоторые книги были куплены на личные средства участников экспедиции (частично это были деньги, заработанные ими в Индии). Часть книг была подарена индийским правительством в Дели в 1916 г., после того как А.М. Мерварт предоставил список всех необходимых для МАЭ «правительственных изданий, имеющих отношение к этнографии, в самом широком смысле этого слова» [Мерварт 1927: 19]. К 1923 г. с начала экспедиции прошло почти 10 лет, и все те вещи и книги, которые прибыли в Ленинград, воспринимались целостно как некое «стихийное богатство», по определению В.Г. Богораза [Краснодембская 1997: 322].

Второе поступление книг от Мервартов в августе-сентябре 1924 г. связано с возвращением ученых в Ленинград. В этот раз в библиотеке было зарегистрировано не так много — пять томов. Вероятно, большая часть из привезенных с собой книг была необходима исследователям для описания и регистрации коллекций.

В октябре 1929 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности» арестовали Людмилу Александровну, в декабре — Александра Михайловича. В конце декабря 1929 г. — начале февраля 1930 г. в инвентаре было зарегистрировано 130 книг из экспедиции. Записи о поступлении книг датируются 24 и 26 декабря 1929 г. (25 томов), потом возобновляются 9 января 1930 г., затем 11, 12, 14, 21 и 25 января (104 тома). Вероятно, почти сразу после первого ареста Александра Михайловича была проведена конфискация литературы. По воспоминаниям современников, после ареста еще до приговора дело этногра-

фа передавалось в архив, а все его вещи изымались из кабинета. Видимо, это были книги, необходимые для работы с коллекциями, еще не зарегистрированные и хранившиеся в отделе. В основном это газетир, журналы, цензусы.

В настоящее время в библиотеке хранятся около семисот книг из книжной коллекции А.М. и Л.А. Мервартов. Их, безусловно, следует рассматривать как уникальный «синтетический многоуровневый источник» [Ильина 2008: 5], который можно использовать для различных историко-культурных исследований. Прежде всего, для собственно исторических и этнографических изысканий по культуре Индии, истории этнографии Индии, истории индологии в России в первой половине XX в. Однако коллекция дает также ценный биографический материал, характеризующий различные стороны жизни и творчества А.М. и Л.А. Мервартов, некоторым образом позволяя проникнуть в своего рода творческую лабораторию исследователей.

Отражением активных занятий Александр Михайловича и Людмила Александровны языками служат словари, книги по истории, грамматике, происхождению тамильского, сингальского языков, языка пали и др.

Пометы, свидетельствующие о занятиях А.М. Мерварта тамильским языком, находим в брошюре «**A Collections of Tamil Sayings and Proverbs on Agriculture.** Madras Department of Agriculture» (Madras, 1908). Она испещрена чернильными и карандашными отметками, переводами, транскрипционными значками. Людмила Александровна писала в одном из первых писем В.В. Радлову, что уже в июне 1914 г. «А. М. нашел прекрасного учителя тамильского языка и приступил к занятиям» [Русские на Цейлоне 2010: 233].

В книге Aiyangar M.S. «**Tamil Studies**» (1914) сохранились различные пометы, записи, которые, вероятно, принадлежат Александру Михайловичу и Людмиле Александровне и в некоторой степени дают представление о методах и подходах ученых к изучению индийской культуры. Наиболее ярко это передает восклицание на странице 194: «Наглая ложь!», — написано на полях напротив фразы, утверждающей, что в среде ранних тамильских племен ложь была обычна и им просто необходимы книги по практической морали. Перед нами раскрывается эмоциональный мир ученых, которые ехали в Индию не для подтверждения тех или иных, безусловно, знакомых им теорий, в частности насчет «криминальных каст», а для «открытия» и познания той культуры, которая увлекла и захватила их еще в юности. Отсюда и такая реакция на обвинение целого народа во лжи, на предвзятость автора «Tamil Studies».

В составе библиотеки имеются две книги с дарственными надписями авторов. Одна — Sarat Chandra Roy «The Mundas and their Country» (Calcutta, 1912) — представляет собой том небольшого формата в обложке коричневого цвета (картон в ткани) с золотым тиснением. Эта книга посвящена одному из племен, потомкам древнейшего населения Индии, населяющих юг штата Бихар, штаты Орисса и Западная Бенгалия. На титульном листе черными чернилами сделана дарственная надпись автора книги: «**Dr Meerwarth with the appreciative regards of S.C. Roy 12.3.18**». Книга содержит многочисленные следы работы с ней владельцев — подчеркивания и исправления.

На другой книге — Gopinatha Rao T.A. «Travancore Archaeological Series» (Madras, 1916) — на внутренней стороне верхней крышки переплета приклеена визитная карточка автора «Gopinatha Rao T.A., superintendent of archeology. Trivandram». На ней черными чернилами вписано: «To Dr. H. Meerwarth, with the best Compliments of ...». Т.А. Gopinatha Rao служил в музее в Тривандруме, где Людмила Александровна и Александр Михайлович изучали коллекции и фотографировали экспонаты в начале 1916 г., и был известен как автор «Индийской иконографии». О нем с большой теплотой и благодарностью отзываются Мерварты в своем «Отчете»: «Т. Гопинагха Рао своими советами, знаниями и дружбой оказал нам большие услуги» [Мерварт 1927: 12].

Доброжелательные, доверительные отношения, которые у Мервартов устанавливались не только с представителями местной интеллигенции, учеными, но и с некоторыми влиятельными чиновниками местной администрации, знатными индийцами, самым положительным образом сказывались на эффективности работы всей экспедиции. Например, благодаря приглашению мадрасского правительства у ученых не только появилась возможность посетить и поработать в Краеведческом музее и во дворце махараджи княжества Пудукотта, собрать ряд ценных коллекций, но и получить в дар книги.

Путеводители и книги о путешествиях по Индии из этого собрания также вошли в состав фонда библиотеки и составили одну из довольно занимательных ее частей, представляя как этнографическую, так и историческую ценность.

На протяжении всех тех лет, которые продлилась экспедиция, Александр Михайлович и Людмила Александровна старались придерживаться заранее подготовленной ими системы исследования, которая включала в себя прежде всего обследование местных индийских музеев. Это послужило собранию богатой фотографической коллекции и установлению условий обмена практически со всеми музеями Индии [Отчет 1918: 11]. Кроме того, книжная коллекция пополнялась местными научными изданиями.

Книги из экспедиции 1914–1918 гг., поступившие в библиотеку МАЭ в 1923–1930 гг., хотя и «растворились» в общем фонде, составили, согласно картотеке, по самым приблизительным оценкам не менее одной трети от всего числа книг по индийскому региону в 1920-х годах. Пожалуй, наиболее существенным для нас основанием, послужившим для выделения этого собрания из фонда библиотеки МАЭ, стала уникальность личностей ее собирателей, А.М. и Л.А. Мервартов, которые и сейчас дают нам пример профессионализма и самоотверженного служения науке. История их книжной коллекции дополняет наши представления о российской и мировой индологии в начале XX в. и демонстрирует образец продуманной работы в области книжного собирательства.

Библиография

Ильина О.Н. Изучение личных библиотек в России. СПб., 2008.

Краснодембская Н.Г. Труженики и романтики этнографической науки // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1997. № 11. С. 315–325.

Мерварт А. и Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л., 1927.

Отчет о деятельности МАЭ за 1913 год. СПб., 1914.

Отчет о деятельности МАЭ за 1917 год. Пг., 1918.

Отчет о деятельности МАЭ за 1927 год. Л., 1928.

Русские на Цейлоне в XIX — начале XX в.: Сборник архивных документов и материалов / Сост., автор предисл. и примеч. Т.Н. Загородникова. М., 2010.

О. Ю. Петрова

Пакетовая табакерка Д. И. Виноградова из собрания отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М. В. Ломоносова)

Основная часть коллекционного фонда отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ была сформирована в 1940–1960 годы. Особое место в нем занимает небольшая, но очень интересная коллекция из восьми предметов, изготовленных в середине XVIII в. на Невской порцелиновой мануфактуре (первое название Императорского фарфорового завода). В этот период основное руководство работами на заводе осуществлял Дмитрий Иванович Виноградов (1720–1758), соученик М.В. Ломоносова по Москве, Марбургу и Фрейбергу в Германии. С его именем связано создание отечественного фарфора, так как именно Д.И. Виноградову удалось разработать рецептуру и наладить производство фарфоровых изделий в России.

До настоящего времени дошло очень небольшое количество предметов раннего виноградовского периода. Каждый из них представляет особый интерес. В собрании отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. хранится табакерка (№ МЛ-00137), изготовленная на Невской порцелиновой мануфактуре. Она представляет собой небольшую фарфоровую коробочку прямоугольной формы белого цвета, заключенную в золоченую серебряную оправу с выгравированными на ней парными листочками. На наружной стороне крышки надпись скорописью XVIII в.: «Еие высокородие Г<осу>д<а>р<ы>не моей Федосьть Степановнъ Ярославовой в Архангельское». На внешней стороне нижней части табакерки изображена рельефная красная печать с гербом и инициалами «МГ». Крышка прикреплена к основной части с помощью шарниров. Внутри в правом нижнем углу просматривается марка завода виноградовского времени — двуглавый орел в тесте.

Такие табакерки, имеющие вид почтового пакета, получили название пакетовые или пакетовые. Они были в большой моде во времена императрицы Елизаветы Петровны. Идея этих табакерок, по всей видимости, была заимствована из Европы, где в середине XVIII в. выпускались подобного рода изделия, правда, большей частью они были финифтяные. По своей форме европейские